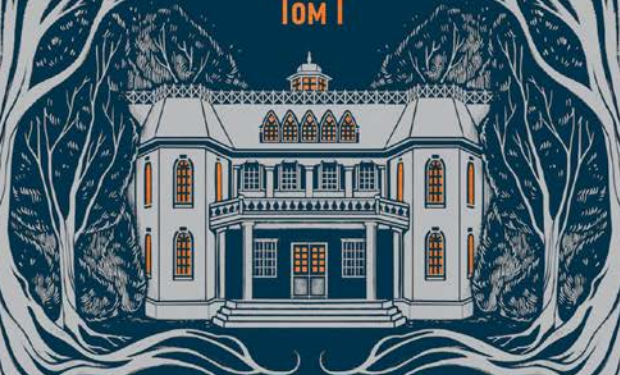

Маргарет Митчелл

УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ

Том I

Перевод Татьяны Озерской

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

МИФ

Маргарет Митчелл

УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ

Том 1

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Маргарет Митчелл

УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ

Том 1

Перевод с английского
Татьяны Озерской

Москва
МИФ
2025

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ГЛАВА 1

Скарлетт О’Хара не была красавицей, но мужчины вряд ли отдавали себе в этом отчет, если они, подобно близнецам Тарлтонам, становились жертвами ее чар. Очень уж причудливо сочетались в ее лице утонченные черты матери, местной аристократки французского происхождения, и крупные, выразительные черты отца — пышущего здоровьем ирландца. Ширококосулое, с точеным подбородком лицо Скарлетт невольно приковывало к себе взгляд. Особенно глаза — чуть раскосые, светло-зеленые, прозрачные, в оправе темных ресниц. На белом, как лепесток магнолии, лбу — ах, эта белая кожа, которой так гордятся женщины американского Юга, бережно охраняя ее шляпками, вуалетками и митенками от жаркого солнца Джорджии! — две безукоризненно четкие линии бровей стремительно взлетали косо вверх — от переносицы к вискам.

Словом, она являла взору очаровательное зрелище, сидя в обществе Стюарта и Брента Тарлтонов в прохладной тени за колоннами просторного крыльца Тары — обширного поместья своего отца. Шел 1861 год, ясный апрельский день клонился к вечеру. Новое зеленое в цветочек платье Скарлетт, на которое пошло двенадцать ярдов муслина, воздушными волнами лежало на обручах кринолина, находясь в полной гармонии с зелеными сафьяновыми туфельками без каблуков, только что привезенными ей отцом из Атланты. Лиф платья как нельзя более выгодно

обтягивал безупречную талию, бесспорно самую тонкую в трех графствах штата, и отлично сформировавшийся для шестнадцати лет бюст. Но ни чинно расправленные юбки, ни скромность прически — стянутых тугим узлом и запряганных под сетку волос, — ни степенно сложенные на коленях маленькие белые ручки не могли ввести в обман: зеленые глаза — беспокойные, яркие (о, сколько в них было своенравия и огня!) — вступали в спор с учтивой светской сдержанностью манер, выдавая подлинную сущность этой натуры. Манеры были результатом нежных наставлений матери и более суровых нахлобучек Мамушки. Глаза дала ей природа.

По обе стороны от нее, небрежно развалившись в креслах, вытянув скрещенные в лодыжках, длинные, в сапогах до колен, мускулистые ноги первоклассных наездников, близнецы смеялись и болтали, солнце било им в лицо сквозь высокие, украшенные лепным орнаментом стекла, заставляя жмуриться. Высокие, крепкотелые и узкобедрые, загорелые, рыжеволосые, девятнадцатилетние, в одинаковых синих куртках и горчичного цвета бриджах, они были неотличимы друг от друга, как две коробочки хлопка.

На зеленом фоне молодой листвы белоснежные кроны цветущих кизилковых деревьев мерцали в косых лучах закатного солнца. Лошади близнецов, крупные животные, золотисто-гнедые, под стать шевелюрам своих хозяев, стояли у коновязи на подъездной аллее, а у ног лошадей переругивалась свора поджарых нервных гончих, неизменно сопровождавших Стюарта и Брента во всех их поездках. В некотором отдалении, как оно и подобает аристократу, возлежал, опустив морду на лапы, пятнистый далматский дог и терпеливо ждал, когда молодые люди отправятся домой ужинать.

Близнецы, лошади и гончие были не просто неразлучными товарищами — их роднили более крепкие узы. Молодые, здоровые, ловкие и грациозные, они были под

стать друг другу — одинаково жизнерадостны и беззаботны, и юноши не менее горячи, чем их лошади, — горячи, а подчас и опасны, — но при всем том кротки и послушны в руках тех, кто знал, как ими управлять.

И хотя все трое, сидевшие на крыльце, были рождены для привольной жизни плантаторов и с пеленок воспитывались в довольстве и холе, окруженные сонмом слуг, лица их не казались ни безвольными, ни изнеженными. В этих мальчиках чувствовалась сила и решительность сельских жителей, привыкших проводить жизнь под открытым небом, не особенно обременяя свои мозги скучными книжными премудростями. Графство Клейтон в Северной Джорджии было еще молодо, и жизнь там, на взгляд жителей Чарльстона, Саванны и Огасты, пока что не утратила некоторого налета грубости. Более старые и степенные обитатели Юга смотрели сверху вниз на новопоселенцев, но здесь, на севере Джорджии, небольшой пробел по части тонкостей классического образования не ставился никому в вину, если это искупалось хорошей сноровкой в том, что имело подлинную цену. А цену имело умение вырастить хлопок, хорошо сидеть в седле, метко стрелять, не ударить в грязь лицом в танцах, галантно ухаживать за дамами и оставаться джентльменом даже во хмелю.

Все эти качества были в большой мере присущи близнецам, которые к тому же широко прославились своей редкой неспособностью усваивать любые знания, почерпнутые из книг. Их родителям принадлежало больше денег, больше лошадей, больше рабов, чем любому другому семейству графства, но по части грамматики близнецы уступали большинству своих небогатых соседей — «голодранцев», как называли белых бедняков на Юге.

Как раз по этой причине Стюарт и Brent и бездельничали в эти апрельские послеполуденные часы на крыльце Тары. Их только что исключили из университета Джорджии — четвертого за последние два года университета, указавшего

им на дверь, и их старшие братья, Том и Бойд, возвратились домой вместе с ними, не пожелав оставаться в стенах учебного заведения, где младшие пришли не ко двору. Стюарт и Brent рассматривали свое последнее исключение из университета как весьма забавную шутку, и Скарлетт, ни разу за весь год — после окончания средней школы, Фейетвиллского пансиона для молодых девиц, — не взявшая по своей воле в руки книги, тоже находила это довольно забавным.

— Вам-то, я знаю, ни жарко ни холодно, что вас исключили, да и Тому тоже, — сказала она. — А вот как же Бойд? Ему как будто ужасно хочется стать образованным, а вы вытащили его и из Виргинского, и из Алабамского, и из Южно-Каролинского университетов, а теперь еще и из университета Джорджии. Если и дальше так пойдет, ему никогда не удастся ничего закончить.

— Ну, он прекрасно может изучить право в конторе судьи Пармали в Фейетвилле, — беспечно отвечал Brent. — К тому же наше исключение ничего, в сущности, не меняет. Нам все равно пришлось бы возвратиться домой еще до конца семестра.

— Почему?

— Так ведь война, глупышка! Война должна начаться со дня на день, и не станем же мы корпеть над книгами, когда другие воюют, как ты полагаешь?

— Вы оба прекрасно знаете, что никакой войны не будет, — досадливо отмахнулась Скарлетт. — Все это одни разговоры. Эшли Уилкс и его отец только на прошлой неделе говорили папе, что наши представители в Вашингтоне придут к этому самому... К обоюдодоприемлемому соглашению с мистером Линкольном по поводу Конфедерации. Да и вообще янки слишком боятся нас, чтобы решиться с нами воевать. Не будет никакой войны, и мне надоело про нее слушать.

— Как это не будет войны! — возмущенно воскликнули близнецы, словно открыв бессовестный обман.

— Да нет же, прелесть моя, война будет непременно, — сказал Стюарт. — Конечно, янки боятся нас, но после того, как генерал Борегард выбил их позавчера из форта Самтер, им ничего не остается, как сражаться, ведь иначе их ославят трусами на весь свет. Ну а Конфедерация...

Но Скарлетт нетерпеливо прервала его, сделав скучающую гримасу:

— Если кто-нибудь из вас еще раз произнесет слово «война», я уйду в дом и захлопну дверь перед вашим носом. Это слово нагоняет на меня тоску... да и еще вот — «отделение от Союза». Папа говорит о войне с утра до ночи, и все, кто бы к нему ни пришел, только и делают, что вопят: «Форт Самтер, права Штатов, Эйби Линкольн!» — и я прямо-таки готова визжать от скуки! Ну и мальчики тоже ни о чем больше не говорят, да еще о своих драгоценных эскадронах. Этой весной на всех вечерах царила такая тоска, потому что мальчики разучились говорить о чем-либо другом. Я очень рада, что Джорджия не вздумала отделяться до Святков, иначе у нас были бы испорчены все рождественские балы. Если я еще раз услышу про войну, я уйду в дом.

И можно было не сомневаться, что она сдержит слово. Ибо Скарлетт не выносила разговоров, главной темой которых не являлась она сама. Однако плутовка произнесла свои угрозы с улыбкой — памятуя о том, что от этого у нее заиграют ямочки на щеках, — и, словно бабочка крылышками, взмахнула длинными темными ресницами. Мальчики были очарованы — а только этого она и стремилась достичь — и поспешили принести извинения. Отсутствие интереса к военным делам ничуть не уронило ее в их глазах. По правде говоря, даже наоборот. Война — занятие мужское, а отнюдь не дамское, и в поведении Скарлетт они усмотрели одно лишь свидетельство ее безупречной женственности.

Уведя собеседников в сторону от надоевшей темы войны, Скарлетт с увлечением вернулась к их личным делам:

— А что сказала ваша мама, узнав, что вас обоих снова исключили из университета?

Юноши смутились, припомнив, как встретила их мать три месяца назад, когда они, изгнанные из Виргинского университета, возвратились домой.

— Да видишь ли, — сказал Стюарт, — она пока еще не имела возможности ничего сказать. Мы вместе с Томом уехали сегодня из дома рано утром, пока она не встала, и Том засел у Фонтейнов, а мы поскакали сюда.

— А вчера вечером, когда вы явились домой, она тоже ничего не сказала?

— Вчера вечером нам повезло. Как раз перед нашим приездом привели нового жеребца, которого ма купила в прошлом месяце на ярмарке в Кентукки, и дома все было вверх дном. Ах, Скарлетт, какая это великолепная лошадь, ты скажи отцу, чтобы он приехал поглядеть! Это животное еще по дороге едва не вышибло дух из конюха и чуть не насмерть затоптало двух маминых чернокожих, встречавших поезд на станции в Джонсборо. А как раз когда мы приехали, жеребец только что разнес в щепы стойло, едва не убил мамину любимую лошадь Земляничку, и ма стояла в конюшне с целым мешком сахара в руках — пыталась его улестить, и, надо сказать, не без успеха. Чернокожие повисли от страха на стропилах и тарасили на ма глаза, а она разговаривала с жеребцом, прямо как с человеком, и он брал сахар у нее из рук. Никто не умеет так обращаться с лошадьми, как ма. Тут она увидела нас и говорит: «Боже милостивый, что это вас опять принесло домой? Это же не дети, а чума египетская!» Но в эту минуту жеребец начал фыркать и лягаться, и ма сказала: «Пошли вон отсюда! Не видите, что ли, — он же нервничает, мой голубок! А с вами я утром потолкую!» Ну, мы легли спать и поутру

ускакали пораньше, пока она в нас не вцепилась, а Бойд остался ее умамливать.

— Как вы думаете, она вздует Бойда?

Скарлетт, как и все жители графства, просто не могла освоиться с мыслью, что «крошка» миссис Тарлтон держит в ежовых рукавицах своих великовозрастных сыновей, а по мере надобности и прохаживается по их спинам хлыстом.

Беатриса Тарлтон была женщина деловая и несла на своих плечах не только заботу о большой хлопковой плантации, сотне негров-рабов и восьми своих отпрысках, но вдобавок еще и управляла самым крупным конным заводом во всем штате. Нрав у нее был горячий, и она легко впадала в ярость от бесчисленных проделок своих четырех сыновей, и если телесные наказания для лошадей или для негров находились в ее владениях под строжайшим запретом, то мальчишкам порка время от времени не могла, по ее мнению, принести вреда.

— Нет, конечно, Бойда она не тронет. С Бойдом ма не особенно крепко расправляется, потому как он самый старший, а ростом не вышел, — сказал Стюарт не без тайной гордости за свои шесть футов два дюйма. — Мы потом и оставили его дома объясниться с ней. Да, черт побери. Пора бы уж ма перестать задавать нам трепку! Нам же по девятнадцать, а Тому двадцать один, а она обращается с нами как с шестилетними.

— Ваша мама поедет завтра на барбекю к Уилксам на этой новой лошади?

— Она поехала бы, да папа сказал, что это опасно, лошадь слишком горяча. Ну и девчонки ей не дадут. Они заявили, что она должна хотя бы раз приехать в гости, как приличествует даме — в экипаже.

— Лишь бы завтра не было дождя, — сказала Скарлетт. — Уже целую неделю почти ни одного дня без дождя. Ничего нет хуже, как испорченное барбекю, когда

все переносится в дом и превращается в пикник в четырех стенах.

— Не беспокойся, завтра будет погожий день и жарко, как в июне, — сказал Стюарт. — Погляди, какой закат — я никогда еще, по-моему, не видал такого красного солнца! Погоду всегда можно предсказать по закату.

Все поглядели туда, где на горизонте над только что вспаханными безбрежными хлопковыми полями Джералда О’Хара пламенел закат. Огненно-красное солнце опускалось за высокий холмистый берег реки Флинт, и на смену апрельскому теплу со двора уже потянуло душистой прохладой.

Весна рано пришла в этом году — с частыми теплыми дождями и стремительно вскипающей бело-розовой пеной в кронах кизилевых и персиковых деревьев, осыпавших темные заболоченные поймы рек и склоны далеких холмов бледными звездочками своих цветов. Пахота уже подходила к концу, и багряные закаты окрашивали свежие борозды красной джорджианской глины еще более густым багрецом. Влажные, вывороченные пласты земли, малиновые на подсыхающих гребнях борозд, лиловато-пунцовые и бурые в густой тени, лежали, алкая хлопковых зерен посева. Выбеленный известкой кирпичный усадебный дом казался островком среди потревоженного моря вспаханной земли, среди красных, вздыбившихся, серповидных волн, словно бы окаменевших в момент прибоя. Здесь нельзя было увидеть длинных прямых борозд, подобных тем, что радуют глаз на желтых глинистых плантациях плоских пространств Центральной Джорджии или на сочном черноземе прибрежных земель. Холмистые предгорья Северной Джорджии вспахивались зигзагообразно, образуя бесконечные спирали, дабы не дать тяжелой почве сползти на дно реки.

Это была девственная красная земля — кроваво-алая после дождя, кирпично-пыльная в засуху, — лучшая в мире для выращивания хлопка. Это был приятный для глаз край

белых особняков, мирных пашен и неторопливых мутно-желтых рек... И это был край резких контрастов — яркого солнца и глубоких теней. Расчищенные под пашню земли плантаций и тянувшиеся миля за милей хлопковые поля безмятежно покоились, прогретые солнцем, окаймленные нетронутым лесом, темным и прохладным даже в знойный полдень, — сумрачным, таинственным, чуть зловещим, наполненным терпеливым, вековым шорохом в верхушках сосен, похожим на вздох или на угрозу: «Берегись! Берегись! Ты уже зарастало однажды, поле. Мы можем завладеть тобою снова!»

До слуха сидевших на крыльце донесся стук копыт, побрякивание упряжи, смех и переключка резких негритянских голосов — работники и мулы возвращались с поля. Из дома долетел нежный голос Эллин О’Хара, матери Скарлетт, подзывавшей девчонку-негритянку, носившую за ней корзиночку с ключами.

— Да, мэм, — прозвучал в ответ тоненький детский голосок, и с черного хода донесся шум шагов, удалявшихся в сторону коптильни, где Эллин ежевечерне по окончании полевых работ раздавала пищу неграм. Затем стал слышен звон посуды и столового серебра: Порк, соединявший в своем лице и лакея, и дворецкого усадьбы, начал накрывать на стол к ужину.

Звуки эти напомнили близнецам, что им пора возвращаться домой. Но мысль о встрече с матерью страшила их, и они медлили на крыльце, смутно надеясь, что Скарлетт пригласит их поужинать.

— Послушай, Скарлетт, а как насчет завтрашнего вечера? — сказал Брент. — Мы тоже хотим потанцевать с тобой — ведь мы не виноваты, что ничего не знали ни про барбекю, ни про бал. Надеюсь, ты еще не все танцы расписала?

— Разумеется, все! А откуда мне было знать, что вы прискочите домой? Не могла же я беречь танцы для вас, а потом остаться с носом и подпирать стенку!

— Это ты-то? — Близнецы оглушительно расхохотались.

— Вот что, малютка, ты должна отдать мне первый вальс, а Стю — последний и за ужином сесть с нами. Мы разместимся на лестничной площадке, как на прошлом балу, и позовем Джинси, чтобы она опять нам погадала.

— Мне не нравится, как она гадает. Вы же слышали — она предсказала, что я выйду замуж за жгучего брюнета с черными усами, а я не люблю брюнетов.

— Ты любишь рыжеволосых, верно, малютка? — ухмыльнулся Брент. — В таком случае пообещай нам все вальсы и ужин.

— Если пообещаешь, мы откроем тебе один секрет, — сказал Стюарт.

— Вот как? — воскликнула Скарлетт, мгновенно, как дитя, загоревшись любопытством.

— Это ты про то, что мы слышали вчера в Атланте, Стю? Но ты помнишь — мы дали слово молчать.

— Ладно уж. В общем, мисс Питти сказала нам кое-что.

— Мисс — кто?

— Да эта, ты ее знаешь, кухня Эшли Уилкса, которая живет в Атланте, — мисс Питтипэт Гамильтон, тетка Чарльза и Мелани Гамильтонов.

— Конечно, знаю и могу сказать, что более глупой старухи я еще отродясь не встречала.

— Так вот, когда мы вчера в Атланте дожидались своего поезда, она проезжала в коляске мимо вокзала, остановилась поболтать с нами и сказала, что завтра у Уилксов на балу будет оглашена помолвка.

— Ну, это для меня не новость, — разочарованно протянула Скарлетт. — Этот дурачок, Чарли Гамильтон, ее племянник, обручится с Милочкой Уилкс. Всем уже давным-давно известно, что они должны пожениться, хотя он, мне кажется, не очень-то к этому рвется.

— Ты считаешь его дурачком? — спросил Брент. — Однако на Святках ты позволяла ему вовсю увиваться за тобой.

— А как я могла ему запретить? — Скарлетт небрежно пожалала плечами. — Все равно, по-моему, он ужасная размазня.

— И к тому же это вовсе не его помолвка будет завтра объявлена, а Эшли с мисс Мелани, сестрой Чарльза! — торжественно выпалил Стюарт.

Скарлетт не изменилась в лице, и только губы у нее слегка побелели. Так бывает, когда удар обрушивается внезапно и человек не успевает охватить сознанием то, что произошло. Столь неподвижно было ее лицо, когда она, не проронив ни слова, смотрела на Стюарта, что он, не будучи от природы слишком наблюдателен, решил: это известие, как видно, здорово удивило и заинтриговало ее.

— Мисс Питти сказала нам, что они собирались огласить помолвку только в будущем году, потому как мисс Мелани не особенно крепка здоровьем, но сейчас только и разговора что о войне, и вот оба семейства решили поторопиться со свадьбой. Помолвка будет оглашена завтра за ужином. Видишь, Скарлетт, мы открыли тебе секрет, и ты теперь должна пообещать, что сядешь ужинать с нами.

— Ну конечно, с вами, — машинально пробормотала Скарлетт.

— И обещаешь отдать нам все вальсы?

— Обещаю.

— Ты — прелесть. Воображаю, как все мальчишки взбесятся!

— А пускай себе бесятся, — сказал Брент. — Мы вдвоем легко с ними управимся. Послушай, Скарлетт, посиди с нами и утром, на барбекю.

— Что ты сказал?

Стюарт повторил свою просьбу.

— Ладно.

Близнецы переглянулись — торжествуя, но не без удивления. Для них было непривычно столь легко добиваться знаков расположения этой девушки, хотя они и считали, что она отдает им некоторое предпочтение перед другими. Обычно Скарлетт все же заставляла их упрашивать ее и умолять, водила их за нос, не говоря ни «да», ни «нет», высмеивала их, если они начинали дуться, и напускала на себя ледяную холодность, если они пробовали рассердиться. А сейчас она, в сущности, пообещала провести с ними весь завтрашний день — сидеть рядом на барбекю, танцевать с ними все вальсы (а уж они позаботятся, чтобы вальс вытеснил все другие танцы!) и ужинать вместе. Ради этого стоило даже вылететь из университета!

Окрыленные своим неожиданным успехом, близнецы не спешили откланяться и продолжали болтать о предстоящем барбекю, о бале, о Мелани Гамильтон и Эшли Уилксе, отпуская шутки, хохоча, перебивая друг друга и довольно прозрачно намекая, что приближается время ужина. Молчание Скарлетт не сразу дошло до их сознания, а она за все это время не проронила почти ни слова. Наконец и они ощутили какую-то перемену. Сияющий вечер словно бы потускнел — только близнецы не могли бы сказать, отчего это произошло. Скарлетт, казалось, совсем их не слушала, хотя ни разу не ответила невпопад. Чувствуя, что происходит нечто непонятное, сбитые с толку, раздосадованные, они пытались еще некоторое время поддерживать разговор, потом поглядели на часы и нехотя поднялись.

Солнце стояло уже совсем низко над свежевспаханном полем, и за рекой черной зубчатой стеной воздвигся высокий лес. Ласточки, выпорхнув из застрех, стрелой пронеслись над двором, а куры, утки и индюки, одни — важно

вышагивая, другие — переваливаясь с боку на бок, потянулись домой с поля.

Стюарт громко крикнул: «Джимс!»

И почти тотчас высокий негр, примерно одного с близнецами возраста, запыхавшись, выбежал из-за угла дома и бросился к коновязи. Джимс был их личным слугой и вместе с собаками сопровождал их повсюду. Он был неразлучным товарищем их детских игр, а когда им исполнилось десять лет, они получили его в собственность в виде подарка ко дню рождения. Завидя Джимса, гончие поднялись, отряхивая красную пыль, и замерли в ожидании хозяев. Юноши распрощались, пообещав Скарлетт приехать завтра к Уилксам пораньше и ждать ее там. Затем сбежали с крыльца, вскочили в седла и, сопровождаемые Джимсом, пустили лошадей в галоп по кедровой аллее, что-то крича на прощание и размахивая шляпами.

За поворотом аллеи, скрывшим из глаз дом, Brent остановил лошадь в тени кизилковых деревьев. Следом за ним остановился и Стюарт. Мальчишка-негр остановился в некотором отдалении. Лошади, почувствовав ослабевшие поводья, принялись пощипывать нежную весеннюю траву, а терпеливые собаки снова улеглись в мягкую красную пыль, с вождением поглядывая на круживших в сгущающихся сумерках ласточек. На широком простодушном лице Brentа было написано недоумение и легкая обида.

— Послушай, — сказал он. — Не кажется ли тебе, что она могла бы пригласить нас поужинать?

— Я, признаться, тоже этого ждал, да так и не дождался, — отвечал Стюарт. — Что ты скажешь, а?

— Не знаю, что и сказать. Странно как-то. В конце концов, мы ведь давно не виделись и, как приехали, — прямо к ней. И даже почти ничего еще не успели и рассказать.

— Мне показалось, что она поначалу здорово обрадовалась, увидав нас.

— Да, мне тоже так подумалось.

— А потом вдруг как-то притихла, словно у нее голова разболелась.

— Да, я заметил, но не придавал этому значения. Что это с ней, как ты думаешь?

— Не пойму. Может, мы сказали что-нибудь такое, что ее рассердило?

На минуту оба погрузились в размышления.

— Ничего такого не могу припомнить. И притом, когда Скарлетт разозлится, это же сразу видно. Она не то что другие девчонки — у нее тут же все вырывается наружу.

— Да, это мне как раз в ней и нравится. Она, когда сердится, не превращается в ледышку и не обливает тебя презрением, а просто выкладывает все начистоту. И все-таки, видно, мы что-то не то сказали или сделали — почему она вдруг примолкла и стала какая-то скучная. Могу поклясться, что она обрадовалась, увидав нас, и, похоже, хотела пригласить поужинать.

— Может, это потому, что нас опять вышвырнули из университета?

— Ну да, черта с два! Не будь идиотом. Она же хохотала как чумовая, когда мы ей об этом рассказывали. Да она не больше нашего уважает всю эту книжную премудрость.

Брент, повернувшись в седле, кликнул своего негра-грума:

— Джимс!

— Да, сэр!

— Ты слышал наш разговор с мисс Скарлетт?

— Не-е, сэр, мистер Брент! Вы уж скажете! Да чтоб я стал подслушивать за белыми господами!

— А то нет, черт побери! У вас, черномазых, всегда ушки на макушке! Я же видел, как ты, врунишка, слонялся вокруг крыльца и прятался за жасминовым кустом у стены. Ну-ка, вспомни, не сказали ли мы чего-нибудь такого, что могло бы рассердить или обидеть мисс Скарлетт?

После такого призыва к его сообразительности Джимс бросил притворство и сосредоточенно сдвинул черные брови.

— Не-е, сэр, такого я не заметил, она вроде не сердилась. Она вроде очень обрадовалась, похоже, сильно без вас скучала и, покамест вы не сказали про мистера Эшли и мисс Мелани Гамильтон — про то, что они поженятся, — все щебетала как птичка, а тут вдруг вся съезжилась, будто ястреба увидела.

Близнецы переглянулись и кивнули, но на их лицах все еще было написано недоумение.

— Джимс прав, — сказал Стюарт. — Но в чем тут дело, в толк не возьму. Черт подери, она же никогда не интересовалась Эшли — он для нее просто друг. Она нисколько им не увлечена. Во всяком случае, не так, как нами.

Брент утвердительно кивнул.

— А может, ей обидно, что Эшли ничего не сказал ей про завтрашнее оглашение — они же как-никак друзья детства? Девчонки любят узнавать такие новости первыми — это для них почему-то важно.

— Может, и так. Да только... ну что с того, что не сказал? Это ведь держалось от всех в тайне, потому что было задумано как сюрприз. И в конце-то концов, разве человек не имеет права молчать о своей помолвке? Мы бы ведь тоже ничего бы не узнали, не проболтайся нам тетушка мисс Мелли. К тому же Скарлетт не могла не знать, что Эшли рано или поздно женится на мисс Мелли. Мы-то знаем про это давным-давно. Так уж у них повелось — у Гамильтонов и Уилксов: жениться на кузинах. Всем было известно, что Эшли когда-нибудь женится на мисс Мелли, а Милочка Уилкс выйдет замуж за ее брата Чарльза.

— Ладно, не желаю больше ломать себе над этим голову. Жаль только, что она не пригласила нас поужинать. Признаться, мне страсть как неохота ехать домой и выслушивать маменькины вопли по поводу нашего

исключения из университета. А ведь пора бы ей и при-
выкнуть.

— Будем надеяться, что Бойду уже удалось ее умаслить. Ты же знаешь, как у этого хитреца ловко подвешен язык. Он всегда умеет ее задобрить.

— Да, конечно, но на это ему нужно время. Он будет кружить вокруг да около, пока не заговорит ей зубы и она не сложит оружие и не велит ему приберечь свое красно-речие для адвокатской практики. А Бойду небось даже не удалось пока что и подступиться к ма. Бьюсь об заклад, что она все еще в таком упоении от своего нового жеребца, что о нас и думать забыла и вспомнит про наше исключение, только когда сядет ужинать и увидит за столом Бойда. Ну а к концу ужина она уже распалится вовсю и будет метать громы и молнии. А часам к десяти, и никак не раньше, Бойду удастся втолковать ей, что было бы унижительно для любого из ее сыновей оставаться в учебном заведении, где ректор позволил себе разговаривать с нами в таком тоне. И лишь к полуночи Бойд наконец так заморочит ей голову, что она взбесится и будет кричать на него — почему он не пристрелил ректора. Нет, раньше, как к ночи, нам домой лучше не соваться.

Близнецы хмуро поглядели друг на друга. Они, никогда не робевшие ни в драке, ни перед необъезженным скакуном, ни перед разгневанными соседями-плантаторами, испытывали священный трепет перед беспощадным языком своей рыжеволосой матушки и ее хлыстом, который она без стеснения пускала прогуляться по их задам.

— Знаешь что, — сказал Брент. — Давай поедем к Уилксам. Эшли и барышни будут рады, если мы поужинаем с ними.

Но Стюарт, казалось, смутился.

— Нет, не стоит к ним ехать. У них там небось дым ко-
ромыслом — готовятся к завтрашнему барбекю, и при-
том...

— Ах да, я и забыл, — поспешно перебил его Brent. — Нет, туда мы не поедем.

Они прищелкнули языком, трогая лошадей с места, и некоторое время ехали в полном молчании. Смуглые щеки Стюарта порозовели от смущения. До прошлого лета он усиленно ухаживал за Индией Уилкс с молчаливого одобрения своих и ее родителей и всей округи. Все жители графства полагали, что спокойная, уравновешенная Индия Уилкс может оказать благотворное влияние на этого малюга. Во всяком случае, они горячо на нее уповали. И Стюарт мог бы заключить этот брачный союз, но Brentу это было не по душе. Нельзя сказать, чтобы Индия совсем не нравилась Brentу, но он все же находил ее слишком простенькой и скучной и никакими силами не мог заставить себя влюбиться в нее, чтобы составить Стюарту компанию. Впервые за всю жизнь близнецы разошлись во вкусах, и Brentа злило, что его брат оказывает внимание девушке, ничем, по его мнению, не примечательной.

А потом, прошлым летом, на политическом митинге в дубовой роще возле Джонсборо внимание обоих внезапно привлекла к себе Скарлетт О'Хара. Они дружили с ней не первый год, и еще со школьных лет она была неизменной участницей всех их детских проказ, так как скакала верхом и лазила по деревьям почти столь же ловко, как они. А теперь, к полному их изумлению, внезапно превратилась в настоящую молодую леди, и притом прелестнейшую из всех живущих на земле.

Они впервые заметили, какие искорки пляшут в ее зеленых глазах, какие ямочки играют на щеках, когда она улыбается, какие у нее изящные ручки и маленькие ножки и какая тонкая талия. Близнецы отпускали шутки, острили, а она заливалась серебристым смехом, и, видя, что она отдает им должное, они лезли из кожи вон.

Это был памятный в их жизни день. Впоследствии, не раз возвращаясь к нему в воспоминаниях, близнецы только

диву давались, как это могло случиться, что они столь долго оставались нечувствительными к чарам Скарлетт О'Хара. Они так и не нашли ответа на этот вопрос, а секрет состоял в том, что в тот день Скарлетт сама решила привлечь к себе их внимание. Знать, что кто-то влюблен не в нее, а в другую девушку, всегда было для Скарлетт сущей мукой, и видеть Стюарта возле Индии Уилкс оказалось для этой маленькой хищницы совершенно непереносимым. Не удовольствовавшись одним Стюартом, она решила заодно пленить и Брента и проделала это с таким искусством, что ошеломила обоих.

Теперь они оба были влюблены в нее по уши, а Индия Уилкс и Летти Манро из имения Отрада, за которой от нечего делать волочился Brent, отступили на задний план. Каково будет оставшемуся с носом, если Скарлетт отдаст предпочтение одному из них, — над этим близнецы не задумывались. Когда придет срок решать, как тут быть, тогда они и решат. А пока что оба были очень довольны гармонией, наступившей в их сердечных делах, ибо ревности не было места в отношениях братьев. Такое положение вещей чрезвычайно возбуждало любопытство соседей и раздражало их мать, недолюбливавшую Скарлетт.

— Поделом вам обоим будет, если эта продувная девчонка надумает заарканить одного из вас, — сказала маменька. — А может, она решит, что двое лучше одного, и тогда вам придется переселиться в Юту, к мормонам... если только они вас примут, в чем я сильно сомневаюсь. Боюсь, что в один прекрасный день вы просто-напросто напьетесь и перестреляете друг друга из-за этой двуличной зеленоглазой вертушки. А впрочем, может, оно бы и к лучшему.

С того дня — после митинга — Стюарт в обществе Индии чувствовал себя не в своей тарелке. Ни словом, ни взглядом, ни намеком не дала ему Индия понять, что заметила резкую перемену в его отношении к ней. Она была слишком

хорошо для этого воспитана. Но Стюарт не мог избавиться от чувства вины и испытывал поэтому неловкость. Он понимал, что вскружил Индии голову, понимал, что она и сейчас все еще любит его, а он — в глубине души нельзя было в этом не признаться — поступает с ней не поджентльменски. Он по-прежнему восхищался ею и безмерно уважал ее за воспитанность, благородство манер, начитанность и прочие драгоценные качества, коими она обладала. Но, черт побери, она была так бесцветна, так тоскливо-однообразна по сравнению с яркой, изменчивой, очаровательно-капризной Скарлетт! С Индией всегда все было ясно, а Скарлетт была полна неожиданностей. Она могла довести своими выходками до бешенства, но в этом и была ее своеобразная прелесть.

— Давай поедем к Кэйдю Калверту и поужинаем у него. Скарлетт говорила, что Кэтлин вернулась домой из Чарльстона. Быть может, она знает какие-нибудь подробности про битву за форт Самтер.

— Это Кэтлин-то? Держу пари, она не знает даже, что этот форт стоит у входа в гавань, и уж подавно ей неизвестно, что там было полным-полно янки, пока мы не выбили их оттуда. У нее на уме одни балы и поклонники, которых она, по-моему, коллекционирует.

— Ну и что? Ее болтовню все равно забавно слушать. И во всяком случае, мы можем переждать там, пока ма не уляжется спать.

— Ладно, черт побери! Я ничего не имею против Кэтлин, она действительно забавная, и всегда интересно послушать, как она рассказывает про Кэро Ретта и всех прочих, кто там в Чарльстоне. Но будь я проклят, если усажу за столом с этой янки — ее мачехой.

— Чего ты так на нее взъелся, Стюарт? Она же полна самых лучших побуждений.

— Я на нее не взъелся — мне ее жалко, а я не люблю людей, которые вызывают во мне жалость. А она уж так

хлопочет, так старается, чтобы все было как можно лучше и все чувствовали себя как дома, что непременно скажет что-нибудь невпопад. Она действует мне на нервы! И при этом она ведь считает всех нас, южан, дикарями. Даже прямо так и сказала ма. Она, видите ли, боится южан. Белеет как мел всякий раз при нашем появлении. Ей-богу, она похожа на испуганную курицу, когда сидит на стуле, прямая как палка, моргает блестящими, круглыми от страха глазами, и так и кажется, что вот-вот захлопает крыльями и закудахчет, стоит кому-нибудь пошевелиться.

— Так и неудивительно. Ты же прострелил Кэйдю ногу.

— Я был пьян, иначе не стал бы стрелять, — возразил Стюарт. — И Кэйд не держит на меня зла. Да и Кэтлин, и Рейфорд, и мистер Калверт. Одна только эта их мачеха-северянка подняла крик, что я, дескать, варвар и порядочным людям небезопасно жить среди этих нецивилизованных дикарей-южан.

— Что ж, она по-своему права. Она ведь янки, откуда ей набраться хороших манер. И в конце-то концов, ты же все-таки стрелял в него, а он ее пасынок.

— Да черт подери, разве это причина, чтобы оскорблять меня! А когда Тони Фонтейн всадил пулю тебе в ногу, разве ма поднимала вокруг этого шум? А ведь ты ей не пасынок, как-никак — родной сын. Однако она просто послала за доктором Фонтейном, чтобы он перевязал рану, и спросила — как это Тони угораздило так промахнуться. Верно, он был пьян, сказала она. Помнишь, как взбесился тогда Тони?

И при этом воспоминании оба так и покатались со смеху.

— Да, мать у нас что надо! — с нежностью в голосе заметил Брент. — На нее всегда можно положиться — уж она-то поступит как нужно и не оконфузит тебя в глазах друзей.

— Но похоже, она может здорово оконфузить нас в глазах отца и девчонок, когда мы заявимся сегодня вечером

домой, — угрюмо изрек Стюарт. — Знаешь, Brent, сдается мне, ухнула теперь наша поездка в Европу. Ты помнишь, ма сказала: если нас снова вышибут из университета, не видать нам большого турне как своих ушей.

— Ну и черт с ним, верно? Чего мы не видали в Европе? Чем, скажи на милость, могут эти иностранцы похвалиться перед нами, что у них там такое есть, чего нет у нас в Джорджии? Держу пари, что девушки у них не красивее наших и лошади не быстрее, и могу поклясться, что их курузному виски далеко до отцовского.

— Эшли Уилкс говорит, что у них потрясающая природа и замечательная музыка. Эшли очень нравится Европа. Он вечно про нее рассказывает.

— Ты же знаешь, что за народ эти Уилксы. Они ведь все прямо помешаны на музыке, на книгах и на красивых пейзажах. Мать говорит — это потому, что их бабушка родом из Виргинии. Она утверждает, что они все там только этим и интересуются.

— Ну и пусть забирают себе все это. А мне дайте резвую лошадь, стакан хорошего вина, порядочную девушку, за которой можно приволкнуться, и не очень порядочную, с которой можно поразвлечься, и забирайте себе вашу Европу, нужна она мне очень... Не пустят нас в это турне — ну и наплевать! Представь себе, что мы сейчас были бы в Европе, а тут, того и гляди, начнется война? Нам бы ни почем не поспеть назад! Чем ехать в Европу, я лучше пойду воевать.

— Да и я, в любую минуту... Слушай, Brent, я знаю, куда нам можно поехать поужинать: дернем-ка прямо через болота к Эйблу Уиндеру и скажем ему, что мы опять дома, все четверо, и в любую минуту готовы стать под ружье.

— Правильно! — с жаром поддержал его Brent. — И там мы уж наверняка узнаем все последние новости об Эскадроне и что они в конце концов решили насчет цвета мундиров.

— А вдруг они подумают нарядить нас как зуавов? Будь я проклят, если запишусь тогда в их войско! Я же буду чувствовать себя девчонкой в этих широких красных штанах! Они, ей-богу, как две капли воды похожи на женские фланелевые панталоны.

— Да вы никак собрались ехать к мистеру Уиндеру? — вмешался Джимс. — Что ж, езжайте, только не ждите, что вам там добрый ужин подадут. У них кухарка померла, а новой они еще не купили. Стряпает пока одна негритянка с плантации, и мне тамошние негры сказывали, что такой поганой стряпни не видано нигде во всем белом свете.

— Вот черт! А чего ж они не купят новой поварихи?

— Да откуда у такой нищей белой швали возьмутся деньги покупать себе негров? У них сроду больше четырех рабов не было.

В голосе Джимса звучало нескрываемое презрение. Ведь его хозяевами были Тарлтоны — владельцы сотни негров, и это возвышало его в собственных глазах; подобно многим неграм с крупных плантаций, он смотрел свысока на мелких фермеров, у которых рабов было раз-два и обчелся.

— Я с тебя сейчас шкуру за эти слова спущу! — вскричал взбешенный Стюарт. — Да как ты смеешь называть Эйбла Уиндера «нищей белой швалью»? Конечно, он беден, но вовсе не шваль, и я, черт побери, не позволю никому, ни черному, ни белому, отзываться о нем дурно. Он — лучший человек в графстве, иначе его не произвели бы в лейтенанты.

— Во-во, я и сам диву даюсь, — совершенно невозмутимо отвечивал Джимс. — По мне, так им бы надоть избрать себе офицеров из тех, кто побогаче, а не какую попало шваль.

— Он не шваль. Ты не равняй его с такой, к примеру, швалью, как Слэттери. Эйбл, правда, небогат. Он не крупный плантатор, просто маленький фермер, и, если ребята сочли

его достойным чина лейтенанта, не твоего ума дело судить об этом, черномазый. В Эскадроне знают, что делают.

Кавалерийский эскадрон был создан три месяца назад, в тот самый день, когда Джорджия откололась от Союза Штатов, и сразу же начался призыв волонтеров. Новая войсковая часть еще не получила никакого наименования, но отнюдь не из-за отсутствия предложений. У каждого было наготове свое, и никто не желал от него отказываться. Точно такие же споры разгорелись и по вопросу о цвете и форме обмундирования. «Клейтонские тигры», «Пожиратели огня», «Гусары Северной Джорджии», «Зуавы», «Территориальные винтовки» (последнее — невзирая на то, что кавалерию предполагалось вооружить пистолетами, саблями и охотничьими ножами, а вовсе не винтовками), «Клейтонские драгуны», «Кровавые громовержцы», «Молниеносные и беспощадные» — каждое из этих наименований имело своих приверженцев. А пока вопрос оставался открытым, все называли новое формирование просто Эскадроном, и так оно и просуществовало до самого конца, хотя впоследствии ему и было присвоено некое весьма пышное наименование.

Офицеры избирались самими волонтерами, ибо, кроме некоторых ветеранов Мексиканской и Семинольской кампаний, никто во всем графстве не обладал ни малейшим военным опытом, а подчиняться приказам ветеранов, если они не вызывали к себе личной симпатии и доверия, ни у кого не было охоты. Четверо тарлтонских юношей были всем очень по сердцу так же, как и трое молодых Фонтейнов, но, к общему прискорбию, за них не пожелали голосовать, ибо Тарлтоны легко напивались и были буйны во хмелю, а Фонтейны вообще отличались вспыльчивым нравом и слыли отчаянными головорезами. Эшли Уилксу присвоили звание капитана, поскольку он был лучшим наездником графства, а его хладнокровие и выдержка могли обеспечить некое подобие порядка в рядах Эскадрона. Рейфорд Калверт был

назначен старшим лейтенантом, потому что Рейфа любили все, а звание лейтенанта получил Эйбл Уиндер, сын старото траппера и сам владелец небольшой фермы.

Эйбл был огромный здоровяк, старше всех в Эскадроне по возрасту, добросердечный, не шибко образованный, но умный, смекалистый и весьма галантный в обхождении с дамами. Дух снобизма был Эскадрону чужд. Ведь в его составе насчитывалось немало таких, чьи отцы и деды нажили свое состояние, начав с обработки небольшого фермерского участка. А Эйбл был лучшим стрелком в Эскадроне, непревзойденно метким стрелком — попадал в глаз белке с расстояния в семьдесят пять ярдов, — и к тому же знал толк в бивачной жизни: был отличным следопытом, умел разжечь костер под проливным дождем и найти ключевую воду. Эскадрон оценил его по заслугам, он пришелся всем по душе, и его сделали офицером. Он принял оказанную ему честь с достоинством и без излишнего зазнайства — просто как положенное. Однако жены и рабы плантаторов, в отличие от своих мужей и хозяев, не могли забыть, что Эйбл Уиндер — выходец из низов.

На первых порах в Эскадрон набирали только сыновей плантаторов, это было подразделение джентльменов, и каждый вступал в него со своим конем, собственным оружием, обмундированием, прочей экипировкой и слугой-рабом. Но в молодом графстве Клейтон богатых плантаторов было не так-то много, и для того чтобы сформировать полноценную войсковую единицу, возникла необходимость набирать волонтеров среди сыновей мелких фермеров, трапперов, охотников за пушным зверем и болотной дичью, а в отдельных редких случаях — даже из числа белых бедняков, если они по личным достоинствам несколько возвышались над своим сословием.

Эти молодые люди так же, как и их богатые соотечественники, горели желанием сразиться с янки, если война все же начнется, — но тут возникал деликатный вопрос

денежных расходов. Редко кто из мелких фермеров имел лошадей. Они возделывали свою землю на мулах, да и в этих животных у них не было излишка — в лучшем случае две-три пары. Пожертвовать своими мулами для военных нужд они не могли, даже если бы в Эскадроне возникла потребность в мулах, чего, разумеется, никак не могло произойти. А белые бедняки почитали себя на вершине благоденствия, если имели хотя бы одного мула. Что же до охотников и трапперов, то у тех и подавно не было ни лошадей, ни мулов. Они питались тем, что приносил им их клочок земли, или подстреленной дичью, а также за счет простого товарообмена; пятидолларовая бумажка раз в году являлась большой редкостью в их руках, и ни о каких лошадях и мундирах им не приходилось и помышлять. Однако они в своей бедности были столь же непреклонно горды, как плантаторы в своем богатстве, и никогда не приняли бы от богатых соседей никакой подачи, ничего хотя бы отдаленно смахивающего на милостыню. А посему, дабы сформировать Эскадрон, не уязвляя при этом ничьего самолюбия, отец Скарлетт, Джон Уилкс, Бак Манро, Джим Тарлтон, Хью Калверт и другие, а в сущности, каждый крупный плантатор графства, за исключением одного только Энгуса Макинтоша, выложили денежки на экипировку и лошадей для Эскадрона. В конечном счете каждый плантатор согласился внести деньги на экипировку своих сыновей и еще некоторого количества чужих молодцов, но все это было облечено в такую форму, что менее имущие члены Эскадрона могли получить обмундирование и лошадь без малейшего ущемления своей гордости.

Дважды в неделю Эскадрон собирался в Джонсборо — проходить строевую подготовку и молить бога, чтобы поскорее началась война. Нехватка в лошадях еще была, но те, кто уже сидел в седле, проводили — как это им представлялось — кавалерийские маневры в поле позади здания суда, поднимая облака пыли, надрывая глотки до хрипоты

и размахивая саблями времен Войны за независимость, снятыми со стен гостиных или кабинетов. Те же, кто еще не обзавелся конем, сидели на приступочке перед лавкой Булларда, наблюдали за своими гарцующими на лошадях товарищами по оружию, жевали табак и делились слухами. А порой состязались в стрельбе. Особой нужды в обучении этих парней стрельбе не возникало. Большинство южан приобщались к огнестрельному оружию чуть не с колыбели, а повседневная охота на всевозможную дичь делала каждого из них метким стрелком.

Самые разнообразные виды огнестрельного оружия поступали из домов плантаторов и хижин трапперов всякий раз, как Эскадрон объявлял сбор. Длинноствольные ружья для охоты на белок, бывшие в ходу еще в те годы, когда поселенцы впервые перевалили за Аллеганы; старые, заряжающиеся с дула мушкеты, имевшие на своем счету немало индейских душ во времена освоения Джорджии; кавалерийские пистолеты, сослужившие службу в 1812 году в стычках с индейским племенем семинолов и в Мексиканской войне; дуэльные пистолеты с серебряной насечкой; короткоствольные крупнокалиберные пистолеты; охотничьи двустволки и красивые новые винтовки английской выделки с блестящими отполированными ложами из благородных пород дерева.

Обучение всегда заканчивалось в салунах Джонсборо, и к наступлению ночи вспыхивало столько драк, что офицеры были бессильны уговорить своих сограждан не наносить друг другу увечья — подождать, пока это сделают янки. В одной из таких стычек и всадил Стюарт Тарлтон пулю в Кэйда Калверта, а Тони Фонтейн — в Брента. В те дни, когда формировался Эскадрон, близнецы, только что изгнанные из Виргинского университета, возвратились домой и с воодушевлением завербовались в его ряды. Однако после упомянутой перестрелки, два месяца назад, их матушка снова отправила своих молодцов

в университет — на этот раз в Джорджии, — с приказом: оттуда ни шагу. Пребывая там, они, к великому огорчению, пропустили радости и волнения учебных сборов и теперь сочли, что университетским образованием вполне можно пожертвовать ради удовольствия скакать верхом, стрелять и драть глотку в компании приятелей.

— Ладно, поехали к Эйблу, — решил Brent. — Мы можем переправиться через реку вброд во владениях мистера О'Хара, а потом в два счета доберемся туда через фонтейновские луга.

— Только не ждите, что вас там чем-нибудь накормят, окромя жаркого из опоссума и бобов, — бубнил свое Джимс.

— А ты вообще не получишь ничего, — усмехнулся Стюарт. — Потому как ты сейчас отправишься к ма и скажешь ей, чтоб нас не ждали к ужину.

— Ой нет, не поеду! — в ужасе вскричал Джимс. — Не поеду, и все! Больно-то мне надо, чтоб хозяйка с меня заместо вас шкуру спустила! Перво-наперво она спросит, как это я недоглядел, что вас опять из ученья выперли. А потом я буду виноват, что вы сейчас из дома улизнули и она не может дать вам взбучку. Вот тут она и начнет меня трепать, как утка дождевого червя, и я один стану за все в ответе. Нет уж, ежели вы не возьмете меня с собой к мистери Уиндеру, я убегу в лес, схоронюсь там на всю ночь, и пуцай меня забирает патруль — все лучше, чем попасться хозяйке под горячую руку.

Близнецы негодуяще и растерянно поглядели на исполненного решимости чернокожего мальчишку.

— С этого идиота и вправду хватит нарваться на патруль, и тогда ма не успокоится еще неделю. Честное слово, с этими черномазыми одна морока. Иной раз мне кажется, что аболиционисты не так-то уж и плохо придумали.

— Нечестно, если на то пошло, заставлять Джимса расплачиваться за нас. Придется взять его с собой. Но слушай, ты, черномазый негодник, посмей только задирать

нос перед тамошними неграми и хвалиться, что у нас жарят цыплят и запекают окорока, в то время как они питаются только кроликами да опоссумами, и я... Я пожалуюсь на тебя ма. И мы не возьмем тебя с собой на войну.

— Задирать нос? Чтоб я стал задирать нос перед этими нищими неграми? Нет, сэр, я не так воспитан. Миссис Бетриса научила меня по части хороших манер, почитай что не хуже вас умею.

— Ну, в этом деле она не слишком-то преуспела — что с нами, что с тобой, — сказал Стюарт. — Ладно, поехали.

Он осадил своего крупного гнедого жеребца, а затем, дав ему шпоры, легко поднял над редкой изгородью из жердей и пустил по вспаханному полю Джералда О'Хара. Brent послал свою лошадь за гнедым жеребцом, а следом за юношами перемахнул через изгородь и Джимс, прильнув к луке и вцепившись в гриву. Джимс не испытывал ни малейшей охоты перепрыгивать через изгороди, но ему приходилось брать и более высокие препятствия, дабы не отставать от своих хозяев.

В сгущавшихся сумерках они поскакали по красным бороздам пашни и, спустившись с холма, уже приближались к реке, когда Brent крикнул брату:

— Послушай, Стю, а ведь, что ни говори, Скарлетт должна была бы пригласить нас поужинать?

— Да я все время об этом думаю! — крикнул в ответ Стюарт. — Ну а почему, как ты полагаешь?..

ГЛАВА 2

Когда близнецы ускакали и стук копыт замер вдали, Скарлетт, в оцепенении стоявшая на крыльце, повернулась и, словно сомнамбула, направилась обратно к покинутому креслу. Она так старалась ничем не выдать своих чувств,

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

